
К 270-ЛЕТИЮ И.-В. ГЁТЕ

Исмагил ШАНГАРЕЕВ

БАШКИРСКАЯ СТРЕЛА ИОГАННА ВОЛЬФГАНГА ГЁТЕ

В истории много такого, что кажется невероятным, но является неоспоримым фактом. Так, например, трудно представить, но после победы в Отечественной войне 1812 года на улицах Парижа на великолепных степных конях появились экзотические всадники-башкиры. Эти воины — живая легенда, «северные амурь», как называли их французы, покорили сердца парижан своим дружелюбием и редкой для тех времен опрятностью.

В те легендарные дни известный русский поэт Константин Батюшков писал:

Кипел бульвар в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда на нем летал с нагайкою казак
Иль Северный Амур с колчаном и стрелами.

С нескрываемым восхищением писал о башкирских воинах генерал Раевский: «Мы сами удивились опрятности и чистоте их одежды, которую берегли они только для случаев торжественных. Белые кафтаны и красные шапки в сомкнутых рядах нескольких полков представляли новое, но довольно приятное зрелище»¹.

Однако за бравой выправкой и традиционной одеждой времен Золотой Орды башкирских воинов скрывалось уникальное боевое мастерство. И не будет преувеличением сказать, что они стали настоящим ужасом для французов как на поле бое, так и в эпизодических стычках, что происходили по всей линии фронта. Их стрелы (предмет насмешек французов) оказались смертоноснее пуль, так как каждый стрелок был истинным мастером своего дела, чего не скажешь о французских солдатах.

Основным пехотным ружьем французской армии было ружье образца 1777 года. Для того чтобы произвести из него выстрел, солдату было необходимо выполнить 12 приемов: взять ружье наперевес, открыть затвор, скусить конец бумажного патрона и высыпать немного пороха на полку, зарыть полку, поставить ружье вертикально

Исмагил Шангареев — культуролог, писатель-публицист, общественный деятель, Сопредседатель Совета по киноvideовизуализации культурно-исторического пространства Евразии при «Ассамблее народов Евразии», Член президиума Евразийской академии телевидения и радио (ЕАТР).

¹ Раевский А. В. Воспоминания о походах 1812—14 гг. М., 1822.

слева от себя, вытряхнуть остатки пороха в дуло, забить пулю с помощью шомпола. Хорошо подготовленный солдат мог сделать в среднем 2—3 выстрела в минуту, но после нескольких десятков выстрелов приходилось чистить ударный механизм, охлаждать ружье, менять кремль.

Башкирские луки — древнее надежное оружие, не требующее ничего, кроме искусства, которому по тюркской традиции мальчиков обучали с 5 лет. В ближнем бою, стрела, пущенная искусной рукой, не уступала пуле по степени поражения, нанося ощутимый урон французам, которые быстро перестали шутить на тему «северных амуров».

Легендарный герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов докладывал о подвиге конников 1-го Тептярского полка: «18 числа (сентября) посланный мной в партию майор Тимиров с вверенным ему 1-м Тептярским полком атаковал неприятеля, взял 125 человек в плен и одну фуру с артиллерийскими снарядами». Кстати, сам Денис Васильевич Давыдов происходил из известного рода Давыдовых, начало которому положил еще в XV веке выходец из Золотой Орды знатный мурза Минчак.

Военные подвиги башкирских воинов не остались незамеченными и получили должное признание. Так, император Александр I поручил оренбургскому военному губернатору Волконскому объявить от лица России «благоволение» башкирам и мишарям, живущим в крае, за их «похвальное усердие Отечеству».

Внесла свою лепту в победу в Отечественной войне и башкирская стрела, оставив в Западной Европе свой символический след.

Эпизод первый касается артефакта, который представляет собой башкирская стрела на шпиге кирхи церкви Святого Лауренция в коммуне Шварца на земле Тюрингия. А дело было так. Весной 1814 года башкирские воины в составе русской армии возвращались на родину из военного похода, закончившегося в Париже. Их путь в родные края пролегал через земли Германии, где их встречали с радостью и почетом. 14 апреля 1814 года по приглашению принца Карла Гюнтера башкирская конница прибыла в деревню Шварца. Для торжественной встречи местные жители собрались во дворе церкви Святого Лауренция. Только представьте себе, с каким нескрываемым интересом они разглядывали диковинные одежды и амуницию башкирских воинов. Усомнившись в боеспособности башкирского лука (подобные сомнения стоили французским солдатам весьма значительных потерь), Карл Гюнтер предложил башкирским воинам сделать показательный выстрел, указав рукой в сторону кирхи.

Башкиры, воспитанные в мусульманских традициях почитания религиозных святынь, не посмели пустить стрелу в храм, обратившись за соизволением к местному священнику. Святой отец, не смея перечить принцу, дал свое одобрение. Но и здесь все произошло согласно исламским традициям. Один из башкирских воинов в мгновение ока положил стрелу на тетиву, и она устремилась в направлении кирхи.

Башкирский воин выстрел так, чтобы не осквернить храм и в то же время показать, какое грозное оружие было в его руках. Послышались возгласы изумления. Жители деревни Шварца не могли поверить своим глазам: «Башкирская стрела застыла над церковной колокольной, пронзив на вершине шпиля — небольшое металлическое яблоко. По современным расчетам (учитывая угол наклона стрелы и высоту шпиля церкви) выстрел осуществлялся с расстояния примерно ста метров».

Башкирский писатель Яныбай Хамматов в процессе подготовки материалов о военном походе русской армии 1813—1814 годов для исторического романа «Северные амурь» (в своем произведении автор во многом по-новому описывает военные события 1812—1814 годов, включая Отечественную войну 1812 года и войну шестой коалиции), проводя в том числе полевые исследования историко-этнографической направленности, посетил немецкую коммуну Шварца.

Согласно его данным, «легендарная стрела не сохранилась до наших дней, — деревянное древко со временем рассохлось, и щепка осыпалась. Но жители Шварцы не забыли об удивительных воинах и в память о меткости башкирских батыров установили металлическую копию знаменитого артефакта. Новая стрела долгие годы красовалась над колокольной церкви Святого Лауренция, став для жителей городка своеобразным символом свободы, независимости и долгожданного мира».

Эпизод второй связан со стрелой, подаренной крупнейшему мыслителю в истории Иоганну Вольфгангу фон Гёте.

А дело было так. Однажды в недавно освобожденном от французов Веймаре встретились представители на первый взгляд далеких друг от друга культур — великий Гёте с одной стороны и группа башкирских всадников в необычных одеждах, вооруженных саблями и луками с другой. Ясный ноябрьский день придавал этой встрече особую праздничность и торжественность.

Всадники спешили у дома, подаренного Гёте в 1794 году герцогом Карлом Августом «за многолетние заслуги» и практически не пострадавшего в ходе боев. Легендарных башкирских воинов вышел встречать сам хозяин дома, который был задуман и как музей, и как лаборатория, и как библиотека.

По сути, это был универсальный институт Гёте, одного из основателей морфологии, научные труды которого (о растениях) опередили гениальные открытия Дарвина. Ну, а то, что великий поэт открыл не исследованную анатомами межчелюстную кость, говорит о том, что перед башкирскими воинами предстал человек, встреча с которым уже сама по себе историческое событие.

Впрочем, надо сказать, что и перед Гёте стояли не просто храбрые воины и непревзойденные стрелки из лука. Важно особо отметить, что из офицеров русской армии многие мечтали встретиться с великим поэтом, произведения которого будоражили умы современников, идеями, которые намного опережали свое время. Для читателей, возможно, будет открытием, но командиры башкирских полков имели весьма солидное образование, многие из них владели иностранными языками, серьезно увлекались западноевропейской литературой.

Поэтому вполне закономерно, что, познакомившись с уникальным музеем Гёте, один из башкирских почитателей таланта мыслителя, сотник Усман Гумеров преподнес ему в дар боевой лук и искусно отделанный колчан со стрелами.

Передо мною редкая книга писателя, друга и биографа великого создателя «Фауста» Иоганна Петера Эккермана «Разговоры с Гёте». В ней он рассказывает о подарке башкирского сотника.

— А знаете что? — спросил Гёте с таинственным видом. — Кажется, у меня есть вещица, которая вам будет по сердцу. Что вы скажете, если мы сойдем вниз и я дам вам настоящий башкирский лук?

— Башкирский лук? — с одушевлением вскричал я. — И настоящий?

— Да, настоящий. Пойдемте же.

Мы сошли в сад. Гёте отворил дверь небольшой пристройки: в комнате были навалены на столах и висели на стенах всякого рода редкие и замечательные вещи. Я бегло осмотрел эти сокровища, отыскивая глазами лук.

— Вот он, — сказал Гёте. — Я получил его из рук башкирского сотника. Ну, что вы скажете?

Я с радостью взял в руки драгоценное оружие. Тетива мне показалась исправной. Испробовал ее и нашел, что она достаточно упруга.

— Лук превосходный, — сказал я. — Особенно мне нравится его форма.

— Из какого он дерева, по-вашему?

— Он обтянут, как видите, тоненькой берестой, а потому дерево видно только на концах. По-моему, это орех.

— Что ж, попробуйте, — сказал Гёте. — Вот и стрела. Куда станете стрелять? — Сперва в воздух, — ответил я.

Я пустил стрелу вверх; стрела летела хорошо и при падении воткнулась в землю.

— Теперь позвольте мне, — сказал Гёте.

Я порадовался, что и он хочет стрелять, подал ему лук и поднял стрелу. Гёте приладил ее к тетиве, затем прицелился вверх и спустил тетиву. Он был точно Аполлон, состарившийся телом, но одушевленный несокрушимой юностью. Стрела взлетела невысоко. Я побежал и поднял ее.

— Еще раз, — сказал Гёте.

Он прицелился в горизонтальном направлении вдоль дорожки. Стрела пролетела шагов тридцать. Не умею сказать, до чего мне было весело глядеть на Гёте; мне вспомнились стихи:

Иль старость меня покидает?
Иль вновь я детей становлюсь?

Я принес ему стрелу. Он попросил меня пустить ее в горизонтальном направлении и указал цель — пятно на ставне своего кабинета. Стрела попала неподалеку от цели, но так сильно вцепилась в дерево, что я не смог ее вытащить.

— Пусть она там и остается на память о нашей забаве, — сказал Гёте...

История обладает удивительной многослойностью, причинно-следственные связи пронизывают ее, как кровеносные сосуды, создавая сложные узоры скрытых смыслов. Незадолго до встречи в доме Гёте произошло событие, которое впоследствии стало одной из причин его увлечением культурой мусульманского Востока и, прежде всего, религией ислама. Гёте присутствовал на намазе башкирских воинов. О последнем событии читаем в письме от 5 января 1814 года. Гёте — Требру: «Говоря о пророчествах, должен тебе сказать, что сегодня происходят такие вещи, которые ранее пророкам не позволили бы даже и произнести. Кто бы позволил еще несколько лет назад высказать предположение, что в нашей протестантской гимназии может проводиться магометанское священное богослужение и будут читаться суры из Корана. И все же это произошло, и мы присутствовали на богослужении у башкир, видели их муллу и приветствовали их князя в театре. Из особого расположения ко мне, на вечную память мне были подарены лук и стрелы, которые я повесил над своим камином. А некоторые из наших особо религиозных дам даже заказали в библиотеке перевод Корана».

Понятно, что это только первый опыт погружения в иную культуру, но пройдет не так много времени, и Гёте напишет:

Не чушь ли — все в тщеславии убогом
Суть под себя лишь тщатся подогнать!
Когда ислам и вправду послан Богом,
Нам всем в исламе жить и умирать.

(«Западно-восточный диван»)

Ясная и сильная мысль, достойная не просто мусульманина, но имама, проповедника, человека, распахивающего двери исламского мира для каждого, кто желает общиться к мусульманской вере. Вы подумайте, какой необыкновенной силы слова: «Нам всем в исламе жить и умирать». И ведь это обращение к людям земли! Это поистине грандиозно, когда великий европейский поэт говорит одной фразой, подво-

дит итог многовековым спорам об исламе, о миссии пророка Мухаммада. Башкирская стрела, пущенная когда-то Гёте (в случае, описанном Иоганном Петером Эккерманом), видится мне сегодня одним из символов диалога культур, в котором даже оружие обретает иной — гуманитарный — смысл, превращаясь в «стрелу времени», устремленную в будущее.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Ночной принц. Сост. Е. Б. Белодубровский, Д. К. Равинский. СПб.: Реноме, 2018. — 288 с. — (Серия «Санкт-Петербургская фантастика Серебряного века»).

В книге собраны малоизвестные, порой забытые даже литературоведами произведения писателей Серебряного века: С. Ауслендера, А. Иванова, А. Измайлова, И. Лукаша, С. Михайлова, А. Рославлева. Объединены они темой «петербургской фантастики». О специфике этой фантастики, связанной с ирреальной атмосферой города, спроектированного на редкость рационально, размышляют во вступительной статье «Город снов и туманов» составители сборника Е. Белодубровский и Д. Равинский. «...Снова и снова разные поколения петербуржцев убеждены: только здесь, только в этом странном городе могла явиться Германну тень старой графини, только здесь мог разгуливать по улице нос майора Ковалева, только здесь, в клубке метелей, могли повстречаться в новогоднюю ночь персонажи „Поэмы без героя“». Особая аура города, пропитанная мифами и легендами, породила особую литературу, «петербургскую фантастику», у истоков которой стоят Пушкин и Гоголь. Именно они, констатируют составители, первыми ощутили Петербург не только как величественный город, столицу империи, «окно в Европу», но и как духовный феномен, как тайну, манящую и неразрешимую. И все XIX столетие фантазмагория Петербурга находила отражение в литературе, особо глубоко и остро ощутил иррациональную сторону Петербурга Достоевский. Серебряный век, отмечают составители, породил особое отношение к Петербургу, доселе считавшемуся мрачным и казенным, благодаря мирискусникам в 10-е годы XX столетия была заново открыта красота Петербурга. Можно найти различные объяснения фантастической стороны жизни Петербурга: особое энергетическое поле, уникальные метеорологические условия, порождающие особую атмосферу, следствием которой и являются события необычайные. «Петербургскую фантастику» составители определяют как литературу, находящуюся на грани между фактом и вымыслом, никогда не относясь всецело ни к тому, ни к другому. Петербург — это город, где, если верить С. Ауслендеру, «камни мостовых, стены старых домов, площади, дворцы и церкви много таят в себе загадочных, странных историй. Страшные преступления, прекрасные подвиги совершались здесь когда-то. Никто не знает, что было, как было». В представленных рассказах происходят события странные, жутковатые и забавные, но определяющие судьбы героев. Приключения поджидают любого из героев из-за каждого угла, изгиба набережной, подъезда, фонарного столба, полицейского участка. Таинственный незнакомец причудливым образом помогает мучимому эротическими видениями юноше пройти инициацию; ясновидец и магнетизер, аналог Калиостро, спасает от опалы молодого поручика, ставшего невольным свидетелем того, как фрейлина Нелидова запустила золоченую туфельку в Павла I; призрак Суворова преследует старика, только что получившего телеграмму о гибели сына на фронте; повстречавшийся с Германном карточный игрок Соколовский после попытки отыграться угрождает